

УДК 94(497.2)

Н. В. Евстафьев

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

Явление криптохристианства в житиях балканских мучеников XVI в.

Евстафьев Никита Владимирович

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: nikichan1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6965-4112

Цитирование

Евстафьев Н. В. Явление криптохристианства в житиях балканских мучеников XVI в. // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 399–412. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

Статья поступила в редакцию 07.01.2025.

Рецензирование завершено 12.02.2025.

Статья принята к публикации 18.03.2025.

Аннотация

В статье рассматривается отражение в произведениях славянской агиографии XVI в. одного из важных явлений межрелигиозного взаимодействия на Балканах: криптохристианства. Криптохристианами называют тех, кто внешне принял ислам, а также исполнял мусульманские обряды, но при этом скрытно исповедовал и христианство, исполняя часть христианских обрядов. В статье это явление рассматривается на материале житий балканских мучеников (матририев). По очевидным причинам о криптохристианстве известно не так много, но его отдельные примеры встречаются в произведениях агиографии, посвященных некоторым балканским мученикам. В славянской агиографии криптохристианство нередко представлено в качестве возможной альтернативы мученичеству. Св. Николай Новый после того, как знакомые мусульмане обманом обратили его в свою веру, целый год не выходил из дому, чем вызывал недовольство у мусульман и у своих православных родственников. Таким образом, до его разоблачения мусульманами Николай был криптохристианином. Но наиболее явный пример можно найти в южнославянском житии св. Георгия Нового, где упоминается некий «сарацин», тайно исповедовавший христианскую веру. Вместе

с тем в статье высказывается предположение, что образ этого «сарацина» является библейской отсылкой к образу Иосифа Аримафейского из Евангелия от Иоанна. При этом отношение агиографов к криптохристианству, отраженное в созданных ими сочинениях, носит скорее отрицательный характер. С точки зрения представителей церкви XVI в. предпочтительнее погибнуть за веру, чем сохранить приверженность православию в тайне.

Ключевые слова

Славянская агиография, Османская империя XVI в., Балканы, криптохристианство, св. Георгий Новый Софийский, св. Николай Новый Софийский.

Одним из важных и при этом все еще малоизученных проявлений межконфессионального взаимодействия христиан и мусульман Османской империи можно назвать так называемое криптохристианство. Криптохристианами или скрытыми христианами называют тех, кто внешне принял ислам – произнес шахаду (клятву), прошел (в большинстве случаев) через процедуру обрезания и принял новое имя – а также исполнял мусульманские обряды, ходил в мечеть, но при этом скрытно исповедовал и христианство, исполняя часть христианских обрядов¹. В этом случае криптохристианство, несомненно,

¹ Подробнее о криптохристианах и явлении криптохристианства в целом см., например: *Димитров С.* Скрыто христианство и ислямизационните процеси в Османска държава // Исторически преглед. 1987. № 3. С. 18–33; *Skendi S.* Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // *Balkan cultural studies*. New York, 1980. P. 233–257; *Skendi S.* Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // *Slavic Review*. Vol. 26. No. 2 (Jun., 1967). P. 227–246.

О других формах «крипторелигиозности» в Османской империи, включающей в себя, например, тайных шиитов и криптоиудеев, см., например: *Reinkowski M.* Hidden Believers, Hidden Apostates: The Phenomenon of Crypto-Jews and Crypto-Christians in the Middle East // *Converting Cultures: Religion, Ideology and Transformations of Modernity* / ed. by D. Washburn, A. K. Reinhart. Leiden, 2007. P. 409–434; *Reinkowski M.* Keine Kryptoreligion, aber doch kryptoreligiös. Zur Frage einer realen Existenz von Kryptojuden und Kryptochristen im islamischen geprägten Mittelmeerraum und Nahen Osten // *Konfessionelle Ambiguität. Uneindeutigkeit und Verstellung als religiöse Praxis in der Frühen Neuzeit* / herausgegeben von A. Pietsch, B. Stollberg-Rilinger. Göttingen, 2013. S. 75–98.

приобретало черты двоеверия, когда человек мог быть одновременно и мусульманином, и христианином². С конца XIV в. поздневизантийская церковь Константинопольского патриархата достаточно терпимо относилась к криптохристианству, позволяя при определенных обстоятельствах в тайне сохранять свою приверженность к православной вере, но только в том случае, если скрытые носители веры соблюдали христианские заповеди. При этом возвращение таких лиц к христианской вере требовало также процедуры покаяния. Со временем, впрочем, отношение церковной иерархии к криптохристианству стало меняться в худшую сторону, ведь, разрешая его, они фактически способствовали распространению ислама³.

По естественным причинам о криптохристианах известно не так много, поскольку, во-первых, они старались скрыть свою принадлежность к православной вере, а во-вторых, их существование практически не отмечается в османских источниках⁴. Особенно распространенным явление криптохристианства было в албанских землях⁵, однако некоторые примеры тайных христиан встречаются и среди славянского населения Балкан. Так, одним из вероятных указаний на существование скрытых христиан в болгарских землях обычно называют надгробные камни потурченцев из окрестностей Смоляна и Кырджали, на которых изображены кресты⁶. Впрочем, данный пример, как и многие другие, может относиться к явлению религиозного синкретизма: кресты на могилах мусульман необязательно должны означать их принадлежность к скрытым христианам⁷.

В славянской агиографии XVI в., посвященной погибшим на Балканах мученикам, – особенно в житиях св. Георгия Нового (ум. 1515) и св. Николая Нового Софийских (ум. 1555) – также находятся

² Zirojević O. Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvoverje. Beograd, 2003. S. 5–7.

³ Krstić T. Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire. Stanford, 2011. P. 123–124.

⁴ Reinkowski M. Hidden Believers... P. 411–412.

⁵ Malcolm N. Crypto-Christianity and Religious Amphibianism in the Ottoman Balkans: The Case of Kosovo // *Rebels, Believers, Survivors: Studies in the History of the Albanians*. Oxford; New York, 2020. P. 55–67.

⁶ Тодорова О. Православната църква и българите XV–XVIII век. София, 1997. С. 236–237.

⁷ О разных формах сосуществования и синкретизма христианства и ислама на Балканах см., например: Malcolm N. Crypto-Christianity... P. 55–60.

примеры, которые можно отнести к явлению криптохристианства. Прежде оно практически не рассматривалось на основе сочинений агиографии, лишь отдельные ученые (в частности, Р. Градева) вскользь касались этого вопроса⁸. В настоящей статье мы постараемся проанализировать имеющиеся в агиографии примеры и определить, насколько они действительно связаны с явлением скрытого христианства, а также выяснить, каким было отношение составителей житий (нередко представителей церкви) к данному явлению. Кроме того, мы попытаемся установить, не являются ли отдельные из этих примеров литературной конструкцией, не отражающей в полной мере османские реалии XVI столетия.

В первую очередь необходимо отметить, что в рассматриваемых житиях скрытое исповедание православной веры представляется как альтернатива мученичеству, которую большинство героев житий отвергает. В южнославянском житии св. Георгия Нового, вероятно, есть намек на возможность совершить выбор в пользу криптохристианства в словах мусульманского судьи (кадия), когда он предлагает юноше принять ислам, но при этом указывает на то, что никто не заставит Георгия отказаться от почитания Христа, которого и сам кадий любит: «Еда азь гл(аго)лю отврещи ти се Х(ри)с(т)а и не любити его ни почитати его; Да не будеть. Понеже и азь того зело люблю...»⁹. Естественно, этот вариант не устраивает Георгия, потому что он не хочет при этом почитать также и Мухаммеда, которого юноша воспринимает как лжепророка¹⁰. В русском житии св. Георгия возможность избежать гибели будущему мученику предлагают некоторые из христиан прямо перед самой казнью: «Ови же о(т) бл[а]говерных гл[аголю]ще: “Георгие, помилуй себе и пощади юность свою. Мощно бо ти е(с)[ть] инде жити пространна бо есть и широка по(д)небесная. Не срамляй толита народа повинися повелению

⁸ Градева Р. Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите / съст. Н. Данова и др. София, 1995. С. 52.

⁹ Хотя эту фразу можно интерпретировать и как указание на то, что мусульмане почитали Христа как пророка Ису. Подробнее об этом см., например: *Anawati G. C. Isa* // *Encyclopaedia of Islam*. 2nd Edition. V. 4. Iran – K. / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden, 1991. P. 81–86.

¹⁰ Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца // *Зборник историје књижевности*. Београд, 1976. Књ. 10. С. 248–249. Издание Д. Богдановича выполнено по самому старому из дошедших до нас списков этого жития: Афонскому (Хиландарскому) списку третьей четверти XVI в. (Хиландар 479).

ц[а]р[е]ву, а мы вскоре тя о(т) язвь исцелим”». Не совсем ясно, имеют ли они в виду криптохристианство, однако Георгий в любом случае ответил им резкой отповедью: «Почто вы, ведуще, к нечестивым совету прилагаетесь...»¹¹

Св. Николай Новый Софийский был обманом обращен в ислам (через насильно сделанное обрезание) его собственными подмастерьями-мусульманами на совместном с ними пиру. Николай отказался признавать свой переход в ислам, был через какое-то время схвачен разъяренными мусульманами и приведен на суд. При этом законный судья (кадий) был достаточно благосклонно настроен по отношению к святому и в личной беседе прямо предложил ему внешне принять ислам, а тайно остаться христианином: «молютисе [...] поклонисе къ намъ лицемствоуе пред мною [...] и съхрани верою свою якоже волиши. и себе от съмръти избавы»¹². Николай, как и Георгий, отказался от данного предложения, но в его случае отказ основывался на уже пережитом опыте: какое-то время Николай, похоже, был тайным христианином, хотя и несколько нетипичным.

После того, как Николая обманом обратили в ислам, он не решился сразу отвергнуть мусульманскую веру, опасаясь за свою жизнь, а вместо этого начал втайне молиться Христу («обаче страха рад безбожных въ тайне сице начинаше покаание») ¹³. Вернувшись домой, Николай продолжил свое тайное раскаяние и при этом целый год не выходил из дома и не участвовал в церковных обрядах и христианских праздниках, что ставили ему в укор другие христиане, даже его родственники,

11 Мучение святого и славного великомученика Георгия Нового // *Калиганов И. И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 216. Издание И. И. Калиганова выполнено по одному из древнейших списков конца 1530-х гг. (Государственный исторический музей. Собрание Барсова. № 313). Этот список восточнославянского жития был составлен в то же время, когда весть о гибели юноши Георгия достигла Московского государства.

12 *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. (СПб., 1902. (Сборник ОРЯС. Т. LXXI. № 2). С. 126. Издание П. А. Сырку выполнено на основе единственного сохранившегося списка жития, который был составлен попом Лазарем из Кратово в 1564 г., т. е. меньше чем через десять лет после гибели святого. См.: ЦИАИ БП (Църковноисторически и архивен институт при Българската патриаршия). № 1521. Л. 41а–208б.

13 Там же. С. 72.

и в особенности жена Николая, которой было особенно тяжело принять такое грехопадение ее мужа («...ридания бехоу [...] от съжителнице его»)¹⁴. В конце концов Николай был разоблачен мусульманами и был казнен за вероотступничество, однако весьма любопытно то, что предшествовало его раскрытию. Для того чтобы восстановить отношения со своей женой¹⁵, Николай попросил ее отнести от его имени в храм некий дар, и это и было сделано («нъ и съжителницу свою оутешивъ. словеси бл(а)гоискоусными, посилаеть и въ ц(е)рковь тыщно иты еи. и яже от праведных троудовъ на потребу с(вя)щения ити посилаеть»)¹⁶. Как раз в то время, когда жена отправилась в церковь, к дому Николая явился знаток ислама («хулы ревнителя от чина измаильтскы»)¹⁷, который обвинил Николая в неисполнении мусульманских обрядов, а также в том, что он продолжал жить с иноверной супругой¹⁸. Все это позволяет нам предположить, что разоблачение криптохристианства Николая было связано как раз с его решением частично восстановить связь с православной церковью. Вполне вероятно, мусульмане прознали о том даре, который Николай отправил в церковь, и это стало последней каплей для них, после чего они решили окончательно прояснить ситуацию с новообращенным, по их мнению, мусульманином.

В таком случае естественна и реакция Николая на подобные обвинения: он уже принял решение остаться верным христианином, восстановив отношения со своей супругой и православной церковью, и «агаряне» никак не могли переубедить его. Кроме того, Николай взял с собой на разговор с пришедшим улемом священную икону, которую он прежде держал у себя дома «в тайне» («имеаше бо въ тайне с(вя)щенни и чъстны образъ въ домоу своемъ иконоу г(оспод)а

14 Там же. С. 74.

15 По мнению И. Ф. Макаровой, именно давление христианской общины, родственников и, в особенности, жены заставили Николая встать на путь мученичества, ведь даже формальный и не признанный самим Николаем переход в ислам крайне негативно воспринимался его единоверцами. Это обстоятельство может быть примером изменившегося к XVI в. в негативную сторону отношения православной церкви и общины к криптохристианству. – *Макарова И. Ф.* Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов.* М., 2011. С. 163–164.

16 *Сырку П. А.* Очерки... С. 83–84.

17 Вероятно, улем.

18 Там же. С. 86.

нашего и(и)с(у)са х(рист)а. Его же изъмъ яве...»¹⁹. Эту же икону Николай показал мусульманам как доказательство своего окончательного разрыва с исламом: «и хр(и)стианина себе паки пред вьсеми исповедааше дохвалне [...] и въ недра своа роукоу вьложь, и чьстивую икону г(оспод)а нашего и(и)с(у)са х(рист)а оттудоу изъмъ»²⁰.

Итак, в течение целого года Николай был «своим» в представлении как христианской, так и мусульманской общины. И тех и других смущало затворничество Николая и его неучастие в религиозной жизни каждой из общин, но все это время ему удавалось уклоняться от обвинений. При этом само его поведение по отношению к обеим общинам стояло на грани с вероотступничеством, что и определяло такое сложное к нему отношение представителей каждого из сообществ²¹. На первый взгляд история Николая напоминает судьбу скрытого христианина, который был однажды разоблачен и поплатился за это жизнью. Все же Николай не соответствует «классическим» признакам криптохристианина: во-первых, не совсем ясно, в каких условиях он принял ислам – «обрезание», сделанное подмастерьями-мусульманами, не означало его автоматического перехода в ислам²², для этого он должен был по собственному желанию также произнести шахаду, о чем в житии не упоминается. Во-вторых, Николай никогда, даже внешне, не признавал своего перехода в иную веру: он не участвовал в религиозной жизни мусульманской общины, а предпочитал оставаться дома и молиться по-христиански. Отчасти противоречит образу скрытого христианина и сожительство Николая с женой, которая оставалась открытой христианкой. По всем этим причинам мы можем считать св. Николая Нового лишь косвенным примером балканского криптохристианина.

Гораздо более явный, как сперва кажется, пример можно найти в южнославянском житии св. Георгия Нового Софийского. Если сам Георгий отказался от тайного исповедания христианства, то один из второстепенных персонажей жития, судя по всему, как раз был

19 Там же. С. 84.

20 Там же. С. 87.

21 Криптохристианство отдельного человека всегда стояло близко к вероотступничеству и даже фактически означало его двойное вероотступничество: сначала отказ от православной веры, а затем тайный отказ от ислама; см.: *Reinkowski M. Hidden Believers...* P. 414.

22 При это само по себе обрезание как признак перехода в ислам никак не противоречило сохранению в тайне христианской веры. См.: *Malcolm N. Crypto-Christianity...* P. 55.

криптохристианином. Во время казни Георгия наставник святого, а также автор оригинального жития, священник Пейо, попытался ближе подобраться к мученику, чтобы поддержать его в последний раз, но мусульманская толпа прогнала священника («...отгнаше с(ве)щен'ника не приближити се ему»). Однако и тогда Пейо не сдался, ведь он «имеше единого срацинина, срацин'скою одеждею одеана красне», который «в ср(б)дци же велику любовь имее о хр(и)стианьскеи вере, страха же ради не смеаше исповедати, нь въ тайне елика повелеваше ему презвитерь, вьсь съ радостию примаше». Этот «сарацин» действовал по указанию Пейо и находился свидетелем на месте казни («Повеле же ему близь его поити и слышати съса елика рекуть и елика ты къ имь отвещаешь») ²³. Его описание вполне соответствует образу тайного христианина, внешне соблюдавшего мусульманские обряды и носившего мусульманскую одежду. Действительно, некоторые исследователи рассматривают данного «сарацина» как пример криптохристианина ²⁴.

Однако к представленным в славянской агиографии, как и в других христианских источниках, примерам криптохристианства необходимо относиться с большой осторожностью ²⁵. Указанный эпизод с «сарацином» можно вовсе рассматривать как литературную конструкцию. Разумеется, текст жития наполнен библейскими отсылками, большая часть которых выявлена и отмечена в критическом издании жития ²⁶. При этом сцена с «сарацином» предметом такого комментирования не стала ²⁷. Между тем описание этого «сарацина» как человека, который не исповедовал открыто христианскую веру «из страха же ради», отчасти соответствует описанию Иосифа Аримафейского из Евангелия от Иоанна. Иосиф Аримафейский участвовал в погребении Иисуса Христа после его смерти: «После сего Иосиф из Аримафеи – ученик Иисуса, но тайный из страха

23 Богдановић Д. Житије... С. 252.

24 Градева Р. Българи... С. 52.

25 Krstić T. Can We Speak of 'Confessionalization' beyond the Reformation? Ottoman Communities, Politics of Piety, and Empire-Building in an Early Modern Eurasian Perspective // *Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries* / ed. by T.Krstić, D. Terzioğlu. Piscataway, 2022. P. 55–80.

26 Мъчение на Георги Нови Софийски от Поп Пейо // *Стара българска литература* / съст.: Кл. Иванова. София, 1986. Т. 4: Житиеписни творби. С. 611–613.

27 Там же. С. 304.

от Иудеев, – просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса; и Пилат позволил. Он пошел и снял тело Иисуса» (Ин.19:38)²⁸. Нетрудно заметить некоторое соответствие в образах: и «сарацин», и Иосиф из Аримафеи были тайными христианами, но «из страха» не исповедовали эту религию открыто. Похожи и исполняемые ими функции: «сарацин» является свидетелем смерти мученика, тогда как Иосиф Аримафейский участвует в погребении Иисуса. Поэтому есть основания подозревать в образе «сарацина» аллюзию на библейский сюжет. С другой стороны, гораздо более очевидно с Иосифом соотносится образ пресвитера (священника) Пейю, который спрашивает у судьи разрешение похоронить юношу и получает его: «И гла(го)ла презвитероу соудиа: иди и погребѣ его съ ч(ѣ)стию якоже весте»²⁹.

Таким образом, в славянской агиографии XVI в. есть примеры скрытого христианства, однако в случае с житием св. Николая Нового Софийского криптохристианство главного героя носит весьма косвенный характер – неясно, можно ли вообще относить Николая к категории скрытых христиан, учитывая, что он не участвовал ни в мусульманской, ни в христианской религиозной жизни, тогда как в своем обычном варианте криптохристианство требует внешней принадлежности к исламу и внутренней принадлежности к православию. В его образе трудно заметить какие-то признаки религиозного синкретизма и двоеверия, если не считать таковыми активное взаимодействие с учениками-мусульманами на ремесленном поприще и участие в совместном с ними пиру. Пример с «сарацином» из жития св. Георгия Нового Софийского кажется более очевидным, ведь мы имеем дело с прямым указанием на скрытое христианство этого персонажа. В то же время описание «сарацина» может быть непрямым сюжетным заимствованием из Евангелия от Иоанна. Если данное предположение верно, то вся эта сцена с «сарацином» – не более чем литературная конструкция, которая, однако, все равно представляет определенный интерес: автор жития перенес библейские события на османскую почву и соответствующим образом адаптировал их, проведя сравнение между мученичеством Христа и новомученичеством св. Георгия Нового.

Говоря о том, как в рассматриваемой агиографии отражено отношение представителей церкви к криптохристианам, необходимо вновь отметить, что для составителей житий, близких к церкви, тайное христианство – это по сути неприемлемая альтернатива мученичеству,

²⁸ Цитата приведена по Синодальному переводу Библии.

²⁹ Богдановић Д. Житије... С. 259.

и герои житий отвергают ее, выбирая гибель за православную веру. Так агиографы фактически создают образ преданного вере новомученика и противопоставляют его криптохристианину. В этом смысле возникновение житий новомучеников можно трактовать как сознательное формирование определенного круга конфессиональной литературы, целью которой было представить пастве идеальный образ их современника, осознанно пострадавшего за веру. Представители православной церкви, нередко афонские монахи³⁰, играли заметную роль в формировании и поддержании культов новых мучеников, которые должны были стать примером поведения для православных жителей Балкан в условиях все более заметного наступления ислама в XVI в. С точки зрения церковных иерархов, которая находит свое отражение в рассмотренных мартириях, предпочтительнее было погибнуть за христианскую веру, чем сохранить свою приверженность православию в тайне.

Источники и литература

Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности. Београд: Српска академија наука и уметности, 1976. Књ. 10. С. 230–265.

Градева Р. Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите / съст. Н. Данова и др. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1995. С. 47–54.

Димитров С. Скрито християнство и ислямизационните процеси в Османска държава // Исторически преглед. 1987. № 3. С. 18–33.

Макарова И. Ф. Болгары и турки в Османской империи: идеологические стереотипы и культурное взаимодействие // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011. С. 161–171.

Мучение святого и славного великомученика Георгия Нового // Калиганов И. И. Георгий Новый у восточных славян. М.: Индрик, 2000. С. 209–218.

Мъчение на Георги Нови Софийски от Поп Пейо // Стара българска литература / съст. Кл. Иванова. София: Български писател, 1986. Т. 4: Житиесписни творби. С. 291–308.

Сырку П. А. Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. (СПб.: Тип. Акад. наук, 1902. (Сборник ОРЯС. Т. LXXI. № 2). 176 с.

30 *Krstić T.* Contested Conversions... P. 137–138.

Тодорова О. Православната църква и българите XV–XVIII век. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1997. 298 с.

Anawati G. C. Isa // *Encyclopaedia of Islam*, 2nd Edition. V. 4. Iran – K. / ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden: E. J. Brill, 1991. P. 81–86.

Krstić T. Can We Speak of ‘Confessionalization’ beyond the Reformation? Ottoman Communities, Politics of Piety, and Empire-Building in an Early Modern Eurasian Perspective // *Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries* / ed. by T. Krstić, D. Terzioğlu. Piscataway: Gorgias Press, 2022. P. 25–115.

Krstić T. Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire. Stanford: Stanford University Press, 2011. 280 p.

Malcolm N. Crypto-Christianity and Religious Amphibianism in the Ottoman Balkans: The Case of Kosovo // Malcolm N. Rebels, Believers, Survivors: Studies in the History of the Albanians. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020. P. 55–67.

Reinkowski M. Hidden Believers, Hidden Apostates: The Phenomenon of Crypto-Jews and Crypto-Christians in the Middle East // *Converting Cultures: Religion, Ideology and Transformations of Modernity* / ed. by D. Washburn, A. K. Reinhart. Leiden: Brill, 2007. P. 409–434.

Reinkowski M. Keine Kryptoreligion, aber doch kryptoreligiös. Zur Frage einer realen Existenz von Kryptojuden und Kryptochristen im islamischen geprägten Mittelmeerraum und Nahen Osten // *Konfessionelle Ambiguität. Uneindeutigkeit und Verstellung als religiöse Praxis in der Frühen Neuzeit* / herausgegeben von A. Pietsch, B. Stollberg-Rilinger. Göttingen: Gütersloher Verlagshaus, 2013. S. 75–98.

Skendi S. Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // *Balkan cultural studies*. New York: Columbia University Press, 1980. P. 233–257.

Skendi S. Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans // *Slavic Review*. Vol. 26. No. 2 (Jun., 1967). P. 227–246.

Zirojević O. Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvoverje. Beograd: Srpski genealoški centar, 2003. 94 s.

References

Anawati, G. C. Isa. *Encyclopaedia of Islam*, 2nd Edition, vol. 4 “Iran–K.”, ed. by B. Lewis, Ch. Pellat, J. Schacht et al. Leiden: E. J. Brill, 1991, pp. 81–86.

Dimitrov, S. “Skrito hristiianstvo i isliamizatsionnite protsesi v Osmanska dŭzhava.” *Istoricheski pregled*, 1987, No 3, pp. 18–33.

Gradeva, R. "Bŭlgari i turtsi XV–XVIII v." *Predstavata za «drugii» na Balkanite*, ed. by Danova etc. Sofia: Akademichno izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 1995, pp. 47–54.

Krstić, T. "Can We Speak of 'Confessionalization' beyond the Reformation? Ottoman Communities, Politics of Piety, and Empire-Building in an Early Modern Eurasian Perspective." *Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th–18th centuries*, ed. by T. Krstić, D. Terzioğlu. Piscataway: Gorgias Press, 2022, pp. 25–115.

Krstić, T. *Contested Conversions to Islam: Narratives of Religious Change in the Early Modern Ottoman Empire*. Stanford: Stanford University Press, 2011, 280 p.

Makarova, I. F. "Bolgari i turki v Osmanskoi imperii: ideologicheskie stereotipy i kul'turnoe vzaimodeistvie." *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Mezhekul'turnyi i mezhekfessional'nyi dialog slavianskikh narodov*. Moscow, 2011, pp. 161–171.

Malcolm, N. "Crypto-Christianity and Religious Amphibianism in the Ottoman Balkans: The Case of Kosovo." Malcolm, N. *Rebels, Believers, Survivors: Studies in the History of the Albanians*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020, pp. 55–67.

Reinkowski, M. "Hidden Believers, Hidden Apostates: The Phenomenon of Crypto-Jews and Crypto-Christians in the Middle East." *Converting Cultures: Religion, Ideology and Transformations of Modernity*, ed. by D. Washburn, A. K. Reinhart. Leiden: Brill, 2007, pp. 409–434.

Reinkowski, M. "Keine Kryptoreligion, aber doch kryptoreligiös. Zur Frage einer realen Existenz von Kryptojuden und Kryptochristen im islamischen geprägten Mittelmeerraum und Nahen Osten." *Konfessionelle Ambiguität. Uneindeutigkeit und Verstellung als religiöse Praxis in der Frühen Neuzeit*, herausgegeben von A. Pietsch, B. Stollberg-Rilinger. Göttingen: Gütersloher Verlagshaus, 2013, pp. 75–98.

Skendi, S. "Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans." *Balkan cultural studies*. New York: Columbia University Press, 1980, pp. 233–257.

Skendi, S. "Crypto-Christianity in the Balkan Area under the Ottomans." *Slavic Review*, vol. 26, No 2 (Jun., 1967), pp. 227–246.

Todorova, O. *Pravoslavnata tsŭrkva i bŭlgarite XV–XVIII vek*. Sofia: Akademichno izdatelstvo "Prof. Marin Drinov", 1997, 298 p.

Zirojević, O. *Islamizacija na Južnoslovenskom prostoru: dvooverje*. Beograd: Srpski genealoški centar, 2003, 94 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

N. V. Evstafyev

**The Phenomenon of Crypto-Christianity
in the Vitae of the 16th Century Balkan Martyrs**

Nikita V. Evstafyev

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikichan1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6965-4112

Citation

Evstafyev N. V. The Phenomenon of Crypto-Christianity in the Vitae of the 16th Century Balkan Martyrs // *Slavic Almanac*. 2025. No. 1–2. P. 399–412 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.20

Received: 07.01.2025.

Revised: 12.02.2025.

Accepted: 18.03.2025.

Abstract

The article examines the reflection in the works of Slavic hagiography of the 16th century of one of the important phenomena of interreligious interaction in the Balkans: Crypto-Christianity. Crypto-Christians or hidden Christians are those who outwardly accepted Islam, and also performed Muslim rituals, but at the same time secretly professed Christianity, performing some Christian rituals. The article examines this phenomenon based on the material of the vitae of the Balkan martyrs (martyria). For obvious reasons, not much is known about Crypto-Christianity, but individual examples of Crypto-Christianity can be found in hagiographies dedicated to some Balkan martyrs. In Slavic hagiography, Crypto-Christianity is often presented as a possible alternative to martyrdom. St. Nicholas the New, after his Muslim acquaintances deceived him into their faith, did not leave his house for a whole year, which caused discontent among Muslims and his Orthodox relatives. Thus, before his exposure by Muslims, Nicholas was a Crypto-Christian. But the most obvious example can be found in the South Slavic vitae of St. George the New, which mentions a certain “Saracen” who secretly professed the Christian faith. At the same time, the article suggests that the image of this “Saracen” is a biblical reference to the image of Joseph of Arimathea from the Gospel of John. At the same time, the attitude

of hagiographers to Crypto-Christianity, reflected in the works they created, is rather negative. From the point of view of representatives of the church in the 16th century, it is preferable to die for the faith than to maintain commitment to Orthodoxy in secret.

Keywords

Slavic hagiography, the 16th century Ottoman Empire, Balkans, Crypto-Christianity, St. George the New of Sofia, St. Nicholas the New of Sofia.